

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

ГЕНИЙ, как молния, неизвестно, в чей дом ударит. 150 лет назад, в 1821 году 11 ноября, она ударила в больницу для бедных, что в Москве на Божедомке — у лекаря Михаила Достоевского родился сын, которому дали имя Федор. Не знаю, может быть, именно от того, что мальчик родился при больнице, да еще предназначенной для бедных, может быть, именно от этого чужие страдания навсегда опалили его душу, сердце, мозг. Униженные, оскорбленные, страждущие стали предметом его внимания. Но не только предметом наблюдения, изучения, как у какого-нибудь бесстрастного статистика, а личной болью собственного сердца.

Я имею право так предполагать, потому что Достоевский и сам придавал огромное значение впечатлениям, вынесенным человеком из детства: «Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь такое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть самое лучшее воспитание и есть», — восклицает он устами своего любимого героя Алеши Карамазова. Мне могут заметить: какие же это хорошие и прекрасные воспоминания — жизнь при больнице для бедных? Но, может быть, вид чужих страданий и есть самое святое, самое нужное впечатление, чтоб не одеревенела, не

онемела, не обесчеловечилась твоя душа, особенно тогда, когда тебе самому хорошо.

Как известно, и позднее, когда Достоевский жил в Петербурге и достиг высокой писательской славы, он всегда селился поближе к бедному люду. Там, где потеснее улочки, где по подвалам в питейных заведениях сбивались у столиков мармеладов, по тротуарам в ожидании клиентов бродили или стояли у стен домов сонечки, а где-то рядом, в каморке, в которую надо подниматься под самую крышу по грязной лестнице, вынашивал свои полубезумные идеи Родион Раскольников. Но вся эта нищета, «недра» капигана Снегирева или бедная комнатуха Макара Девушкина — только одна сторона вопроса, который беспокоил, рвал сердце и мозг Достоевского. Даже, пожалуй, все это нагромождение бедных, хромых, безногих, горбчатых, пьяниц, прохитутков, сумасшедших нужно было Достоевскому только для того, чтобы оттенить свою идею, потому что именно в этой бедной и убогой жизни, именно там и тлел святой огонек человечности.

А идея эта была такова: бедность материальная страшна, но еще ужаснее духовная бедность. Многие современники Достоевского предполагали, что достаточно уничтожить материальную бедность, как далее, как само собой разумеющееся, наступит царство равенства и польются реки благородных и высоких чувств. Достоевский так не считал. И был прав. Мы знаем, что свержение имущих классов, уничтожение голода

и нищеты есть первая ступенька на лестнице человеческого прогресса. За этим должны последовать культурная, духовная революция, изменение человеческих отношений. И мы с вами видим, как не отдельные люди и уже не отдельные касты, а целые страны Запада живут в полном или хотя бы в относительно достаточном материальном благополучии, но именно в этих странах и получили свое наиболее пышное развитие всяческие нравственные и духовные уродства.

Есть испытание на бедность, есть испытание на сытость. Достоевский, будучи сам человеком вечно аждающим, не пришел к мысли: дайте мне миллион, и я буду счастлив, — а всем своим существом постиг более сложный аспект вопроса человеческого счастья.

Вот короткий диалог Версилова с незаконным сыном Аркадием из повести «Подросток». Сын вопрошает отца:

«— Слушайте, ничего нет выше, как быть полезным. Скажите, чем в данный миг я всего больше могу быть полезен? Я знаю, что вам не разрешить этого; но я только вашего мнения ишу... клянусь вам! Ну, в чем же великая мысль?»

— Ну, обратить камни в хлебы — вот великая мысль.

— Самая великая? Нет, вразумлю, вы указали целый путь; скажите же: самая великая?

— Очень великая, другой мой, очень великая, но не самая; великая, но второстепенная, а только в данный

момент великая: «Наестся человек и не вспомнит; напротив, тотчас скажет: ну, вот я наелся, а теперь что делать?»

Оттого и читается сейчас Достоевский у нас с повышенным интересом, особенно в среде развитого юношества, лишенного материальных невзгод, тяжелейшей ношей лежавших на плечах их отцов и матерей, оттого и читается, что Достоевский ищет ответа на вопрос о смысле жизни и тогда, когда человек имеет крышу над головой, одет, обут и сыт.

Человек, не задумывающийся над смыслом жизни, — ограниченный или даже пустой человек. Он живет жизнью стрекозы. Сам поиск смысла жизни уже очеловечивает человека и делает его жизнь осмысленной и одухотворенной. Достоевский и вовлекает тебя в этот поиск. А кто не ищет смысла жизни в 17, 18, 19 лет? Я хорошо помню, как именно в 19 лет встретился с Достоевским. Это было летом, в студенческие каникулы, которые я проводил у родителей в Костроме. Я много слышал о мрачности, об ужасности, о безысходности произведений Достоевского... Прочел подряд 12 томов собрания сочинений. Во время чтения бывали минуты, когда я закрывал книгу и, смеясь и ликуя, скакал по комнате в каком-то мальчишеском хмельном восторге. Я не понимал, как можно об этом авторе говорить, что он мрачен. Нет, говорил я себе, он весь из света, из любви к жизни, из добра. И именно этот бьющий со страниц свет, эта до-

брота и пьянили меня, сделали и мою собственную, крайне небогатую материальную жизнь наполненной богатствами до краев.

Сколько цитат из произведений Достоевского я выписал тогда в черную клеенчатую общую тетрадь! Уходя на фронт, я положил в вещевой мешок самые необходимые и дорогие мне вещи, в том числе и эту тетрадь. Она так и пропала где-то на поле боя вместе с этим самым вещевым мешком, когда меня, раненного, унесли в полевой лазарет. Но все, что там было записано, живет во мне или, вернее, не живет, а составляет часть меня и по сию пору.

Мальчик из повести «Маленький герой», Мышкин из романа «Идиот» и, конечно, Алеша Карамазов, а с ним и Коля Красоткин — любимые мои герои. Может быть, кому-нибудь из читателей такой подбор героев покажется странным. Но, очевидно, разным людям для роста требуется различная духовная подкормка. Беда, когда литературный герой пробуждает и побуждает к действию твои самые низменные инстинкты, беда, когда он убог духовно и это свое убожество выдает за добродетель.

Я знаю, многим Алеша Карамазов кажется личностью бледной, лишенной жизненных сил. Рядом со своим отцом и старшими братьями он вроде бы и теряет многое. Пожалуй, это так. Но, пожалуй, и не совсем. Во многом Алеша и выигрывает. И долго думал, почему именно он из всего романа произвел на меня

наиболее сильное впечатление в юности и почему именно его я люблю и сейчас. Перечитывая недавно роман, я был поражен первой же его строкой, которая прежде не останавливала внимания. Вот она: «Начиная жизнеописание героя моего Алексея Федоровича Карамазова...» Не Митя, не Иван, не Грушенька, не Катерина Ивановна — такие сочные, бешеные, полные страстей личности, а юноша Алеша — герой романа. Значит, в него вкладывает Достоевский всю свою любовь, все свои надежды, все счастье. И именно, видимо, от этого и я полюбил Алексея.

И тихий Макар Девушкин гораздо дороже мне неступленного Рогожина. Позднее я и умом понял, почему это так. Потому что Достоевский через этих бедных людей проводит и еще одну свою глубокую мысль, выраженную словами: «Чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше нам угол и жизнь!». Твое собственное внутреннее содержание — тоже источник счастья. Косвенно об этом сказал и другой великий человек — Эйнштейн. Думаю, что я привожу дословно его слова: «Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения». А где и находятся эти моральные качества, как не внутри личности, как не составляют ее суть?

Мне дороги прорывы к вершинам духа, которые Дос-

товский выражал в качествах любимых своих героев. Ну, а низины... низины, они kloчочут и в голове Раскольникова, и в крови Мити Карамазова, и в несчастной, растленной в юности Настасье Филипповне... И Достоевский не торопится осуждать их. Он просит прежде понять. Это слияние духовного и животного в человеке выражено в произведениях Достоевского во всех своих самых предельных крайностях. Подле Ганька в «Идиоте» готов вынуть горящие сто тысяч из кармана, но оставшееся благородство не позволяет ему этого сделать. В борьбе с самим собой, в неистовой напряженности чувств Ганя Иволгин теряет сознание. Это доведение до точки кипения страстей, при которых, как говорится, количество переходит в качество или в свою противоположность, — тоже одна из сторон, до изумления впечатляющих сторон творчества Достоевского.

Читая Достоевского, я всегда испытывал и еще один вид наслаждения. Не говоря уже о том, что соприкосновение с гением и тебя самого уносит куда-то ввысь, увлекательность самого повествования, этакий, я бы сказал, рассказ взахлеб, без передыха, буйство фантазии, умение заметить все до мельчайших деталей, ухватить всех «шпионов мысли», осмыслить почти неосмыслимое движение души вроде знаменитого медного пестика, который ухватил Митя Карамазов в руку, ухватил почти в неисследованном порыве, — все это само по себе вызывает восторг. Пожалуй, я скакал тогда по комнате и от восторженного удивления перед этим феноменом...

А тем, что все еще считает Достоевского писателем мрачным и надрызанным, я бы хотел ответить строфой Александра Блока: «Простим утрусство — разве это сокрытый двигатель его? Он весь — дитя добра и света, он весь — свободы торжество!»

Виктор РОЗОВ.